

Прина
Лазарева

СОКРЫТЫЕ В ВЕКАХ

Ирина Александровна Лазарева

Сокрытые в веках

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6564715
Лазарева И. Сокрытые в веках: Пантори; 2006
ISBN 5-9218-0008-2

Аннотация

Разумные существа, канувшие в прошлое и ставшие легендой, возможно, и сейчас живут среди нас...

Роман «Сокрытые в веках» состоит из двух частей «Стать драконом» и «Тайна горной страны». Приключения и дальние странствия приводят героев в разные уголки земли, поэтому персонажи – жители разных стран, здесь есть русский, филиппинец, араб, французы и, конечно, драконы.

Эта книга о необыкновенной любви, о крепкой дружбе и неразрывной связи человека с природой.

Содержание

Книга первая	4
Глава 1	4
Глава 2	6
Глава 3	8
Глава 4	10
Глава 5	12
Глава 6	16
Глава 7	19
Глава 8	22
Глава 9	26
Глава 10	30
Глава 11	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Ирина Лазарева

Сокрытые в веках

Книга первая

Стать драконом

Глава 1

Метта лежала в высокой траве, блаженно вдыхая запахи лета. Колоски и одуванчики щекотали ей ноздри, уши чуть вздрагивали от звонкого многоголосья, исходившего из влажных зеленых зарослей.

Горделивые дикие пионы и лилии торжествующе благоухали, выпростав бордовые и оранжевые головы поверх буйного разнотравья. Свежий бриз, долетавший с моря сюда, на огромный дальневосточный луг, не в силах был развеять висящее в воздухе плотное облако их аромата.

Большой темно-синий махаон уселся на цветок прямо перед глазами Метты. Со щенячьим любопытством она потянулась к нему носом, но сумрачный красавец немедленно вспорхнул и закружился в танцующем полете.

Метта следила за ним, лениво шуря глаза – повсюду носилась мельчайшая желтая пыльца.

Был полдень. Кругом все сверкало, дрожало и зыбилось в лучах жаркого солнца. Несмотря на то, что отец не разрешал отлучаться далеко от дома, Метта частенько нарушала запрет и приходила на свое любимое место понежиться в тепле и понаблюдать за кипучей жизнью маленьких обитателей лугового царства.

Еще ей нравилось подглядывать за молодыми женщинами и детьми, когда они приходили собирать цветы. Если бы кто-нибудь из них присмотрелся внимательно, то мог бы заметить торчащие из травы золотые рожки, а под ними два больших любопытных глаза цвета старого янтаря.

Иногда она кралась за шумной ватагой селян сквозь кусты орешника до самого склона сопки, откуда начинался спуск в поселок. Проводив сверху взглядом закрывающие людей огромные охапки цветов, она нехотя поворачивала назад.

На этот раз ничто не нарушило покоя пышной растительности луга. Метту разморило и клонило ко сну. Множество букашек и кузнечиков деловито сновали по ее лапам, разноцветные бабочки легко прикасались к ней крылышками и снова присоединялись к сонму невесомых подруг. Рядом однотонно и низко гудел шмель. Двигаться с места не хотелось. Наконец длинные тени от темнеющего недалеке бора пролегли через всю ложину. Солнце клонилось к западу.

– Спать пора! – возвестила перепелка из недр зеленого мира.

Метта послушно поднялась с пушистого ложа, потянулась и пошла сквозь могучие кедры и запах хвои к прибрежным скалам, где была ее пещера.

Ближе к морю начинался смешанный лес, где росли старые, потерявшие счет годам деревья. Заскорузлая кора неровными заплатами покрывала стволы огромных кряжистых дубов. Меж скрюченных узловатых корней земля была сплошь усыпана желудями. Высоченные березы сбрасывали тонкие лоскуты белой кожи, которая, отслаиваясь, тихо колыхалась на ветру.

Неожиданно из-за кустов выскочил огненно-кирпичный сеттер и, завидев Метту, залился оглушительным лаем. Довольно крупный для своей породы и не по правилам упитанный, он явно боялся подойти поближе, – и было отчего. Хотя Метта была еще подростком, даже в этом нежном возрасте она значительно превосходила собаку в размерах.

Выпрямившись во весь свой небольшой пока рост, блистая красно-сине-зеленой с золотом граненой кожей, выставив вперед точеную рогатую головку, она являла собой яркое, великолепное, но совершенно непонятное для собаки зрелище.

Не зная как себя вести, пес пятился, оглядывался, ожидая поддержки невидимого за деревьями хозяина. Метта, напротив, была бы не прочь с кем-нибудь поиграть. От собаки исходили волны страха.

Метта всегда чувствовала, что испытывает живое существо, но обнаружила, что другие обитатели леса лишены этой способности. Сколько раз она приближалась к какому-нибудь зверьку с самыми дружелюбными намерениями, но результат всегда был одним и тем же – животное пугалось и обращалось в бегство.

Метта уже открыла для себя, что могла бы общаться с людьми. Она явственно видела образы, рождаемые их сознанием, сопоставляла с произносимыми словами и пришла к выводу, что выучить язык людей совсем не сложно. Только вот подходить к ним было нельзя. Отец людей не жаловал.

– Не жди от них ничего хорошего, – говорил он, и Метта, привыкшая всегда и во всем ему повиноваться, не из страха, а из чувства глубокой привязанности, любви и уважения – ведь он был не только ее отцом, но и учителем – никогда не нарушала запрет.

Пес продолжал оглушительно лаять, впрочем, совсем беззлобно, и Метта, отступив на шаг, миролюбиво легла и даже положила голову на лапы, смотря исподлобья и выказывая всякое отсутствие агрессии.

Заливистый лай сменился нерешительным повизгиванием. Вытянув шею, усиленно нюхая воздух и виляя хвостом, пес сделал неуверенный шаг по направлению к Метте и тут же снова отскочил. Несколько раз он повторял попытки приблизиться, и, возможно, знакомство могло бы состояться, если бы чей-то голос не окликнул его с тропинки:

– Огонек, ко мне!

Пес немедленно разразился воинственным лаем, явно выслуживаясь перед хозяином. Тут Метта сочла за благо исчезнуть, и вовремя: хозяин Огонька, привлеченный шумом, подошел к собаке и взял ее за ошейник.

– Ну, что раскричался?

Собака облаивала старое поваленное дерево, заросшее мхом и грибами.

– А ну-ка, пошли домой!

Решив, вероятно, что пес учуял какого-то мелкого зверька, человек надел на упирающееся животное поводок, и вскоре они исчезли за деревьями.

Глава 2

Большой дракон Алнонд ждал дочь на берегу маленькой, укрытой от посторонних глаз бухте, образованной отвесными скалами, с двух сторон вдававшимися в море. Порывистый ветер обдувал его тело соленым теплым дыханием, волны вкрадчиво подбирались к мощным лапам и откатывались назад, оставляя пузыри пены на белом песке. Краб неторопливо вылез из прибрежной лужицы и остановился у огромной шишковатой головы, но, видимо, испугавшись неподвижного желтого глаза, юркнул обратно в воду.

Величавый серо-голубой эсминец прошел вдоль берега совсем близко, направляясь в базу, расположенную неподалеку. Алнонд с горечью смотрел на дула орудий – корабль вызывал грустные воспоминания.

Это случилось через пять лет после рождения Метты. Ее мать чересчур увлеклась охотой, заплыла слишком далеко в море, где в это время проводились военные учения, и попала под снаряд. Тяжело раненная, она еще пыталась плыть, но к берегу ее прибило уже мертвой. Мудрый Алнонд, разменявший вторую сотню лет, мог вылечить любую болезнь или рану. Глубокое знание свойств всего, что растет или сокрыто в недрах земли, заложено в драконах с самого рождения. Но спасти жену Алнонд не успел, и с тех пор воспоминания, а главное чувство вины, оттого что не доглядел, не услышал, жгли его сердце.

Подошла Метта и потерлась щекой о его голову. Она тоже видела корабль. Решив отвлечь отца от тягостных дум, она стала звать его в воду. Он был хорошим отцом и часто составлял Метте компанию в ее играх и подводных прогулках. Наплававшись, а заодно и перекусив, Алнонд снова улегся на теплый песок, а Метта играла рядом в воде с морским ежом. Взмахивая головой, она забрасывала его далеко в воду, ныряла и снова появлялась с колючим шаром в зубах.

– Хватит играть, – позвал Алнонд, – иди, расскажи мне, что ты сегодня делала.

Метта тотчас бросила игрушку, подошла и легла рядом с отцом. Она любила долгие, неспешные беседы с ним, которые всегда сулили перерасти в очередное увлекательное повествование. Они разговаривали на древнем языке драконов, который, как и знания, передавался из поколения в поколение.

– Ну, где ты была сегодня? Тебя с утра не видно.

Метта замялась, но скрывать от Алнонда что-либо было бесполезно.

– Я встретила человека и собаку в лесу. Но я спряталась, – поспешила она заверить отца, увидев его недовольный взгляд.

– Когда-нибудь ты не успеешь спрятаться, и тогда у нас будет масса неприятностей, – проворчал Алнонд.

Метта чувствовала себя виноватой: разгуливать днем по лесу действительно было опасно. Мало ли кто мог повстречаться. Отец рассказывал, как в древности люди убивали драконов, просто из тщеславия, чтобы похвастаться друг перед другом силой и доблестью. Их объявляли героями и слагали о них легенды. О драконах же люди выдумывали небывалые, наделяя их злобой и коварством, то есть своими человеческими качествами, которые совершенно несвойственны ни драконам, ни каким-либо другим обитателям Земли. Правда, в некоторых странах до сих пор почитают драконов, считают символом богатства и плодородия, помня об их мудрости и способностях, которые кажутся людям сверхъестественными; но все же, несмотря на это, давным-давно, в незапамятные времена, Общий Совет решил, что будет намного правильнее и безопаснее никогда больше не иметь никаких дел с этим видом населения планеты, и с тех пор драконы навсегда укрылись от людей в лесах и неприступных горных массивах.

Все это Метта знала, но ведь прошло так много времени, думала она, неужели ничего не изменилось? Она решила спросить об этом отца.

– Нет, они не меняются, – ответил Алнонд, устремив взгляд в запредельные дали, и море тонуло в его глазах. – Мы помогали людям в древности. Но что мы получили взамен? Да если бы не они, нас было бы сейчас намного больше. Они всегда рубят сук, на котором сидят.

– Это ведь их пословица? – улыбнулась Метта.

– Она к ним же и подходит как нельзя лучше. Ты всегда должна помнить – люди опасны. Они уже истребили тысячи видов животных и птиц и продолжают истреблять. Они вырубают леса, отравляют моря и реки и даже воздух, которым дышат. Нет, Метта, они не меняются.

– А может, они не понимают, что делают? – с надеждой спросила Метта.

– Некоторые не понимают, другие прекрасно понимают, но думают только о себе. Им все равно, что будет после них. Жажда богатства развратила их души. Они никогда не могут остановиться в неумном желании иметь все больше и больше и постоянно соревнуются между собой, кто богаче.

– Великая Мать! – воскликнула Метта. – Ведь ты говорил, что люди – разумные существа!

– Есть среди них и разумные, да только их мало.

Алнонд замолчал. Он не хотел взваливать на дочь все сразу. Не надо ее пугать, думал он. Скоро ей понадобится много сил, а ведь она, в сущности, еще ребенок, и если бы не крайняя необходимость, то можно было бы оттянуть ее вступление в тяготы взрослой жизни; но именно теперь, когда Целителей оставалось слишком мало, Метте и ее сверстникам судьба не отпустила долгого детства.

– Отец, откуда ты так много знаешь о людях? – прервала Метта его невеселые думы.

– Все есть в информационном поле, детка, – охотно пояснил Алнонд. – Скоро я научу тебя им пользоваться.

Пока они разговаривали, над Японским морем опускался вечер. В небе царило багряное буйство светящихся красок. Солнечный диск скатывался к сопкам и в обрамлении глубокого пурпура казался идеально круглым входом в какое-то иное пылающее подпространство, куда прямоком по воде вела сверкающая красными и огненными бликами дорожка. Вдали на рейде, окруженные серебристо-розовым сиянием, стояли корабли. Над ними, сбившись вместе, как мотыльки, кружили крикливые чайки. Перламутровые облака висели в небе неподвижно причудливыми незаконченными фигурами.

Как всегда, Алнонд и Метта восторженно созерцали эту захватывающую панораму. Каждый вечер многоликая природа являла неожиданно новое, неправдоподобно прекрасное зрелище. Они словно заряжали души красотой Земли, чтобы потом, без остатка, вернуть свою радость ей же, Великой Матери.

Глава 3

По ночам Алнонд поднимался на самую высокую в округе сопку и там вступал в свое ежедневное общение с мирозданием. Это была его работа, его предназначение на Земле, так же как и всех остальных драконов. Сами драконы называют себя Целителями, и лечат они не что иное, как нашу многострадальную планету. Их роль в обеспечении Всеобщей Гармонии состоит в том, чтобы, высвободив накопленную в себе за день положительную энергию, направить ее во внешнюю оболочку Земли и нейтрализовать скопившиеся в ней сгустки отрицательной энергии.

Делать это им с каждым годом становилось все труднее. Земля страдала. Черные тени, словно жадные щупальца, расползались вокруг планеты. Целители едва справлялись. На Земле по-прежнему гремели войны, лилась кровь, продолжалось наступление на природу, а их становилось все меньше и меньше. С огромным трудом сдерживали они возмущение Земли.

Жизнь каждого дракона бесценна. В наши дни их осталось едва ли чуть больше трехсот по всему свету. Раз в месяц Целители, разбросанные по всем уголкам планеты, устраивают своеобразную переключку, посылая друг другу мощные энергетические сигналы.

Сегодня был именно такой день. Алнонд медленно выходил из состояния отрешенности. Постепенно возвращались запахи и звуки. Действительность встретила его прохладой ясной ночи. Полная луна заливала опаловым светом прогалины и лужайки. Невнятно перешептывались деревья под легкими дуновениями ветра. Звезды метали колючие лучики сквозь ажур темных ветвей и листьев.

Алнонд ждал. И вот донеслась первая весть из таинственных Карпат. Потом полетели приветствия с гор Алтая, Гималаев, Апеннин, с озер Канады и Шотландии. Откликнулись молодые пары из Сиама и с далеких островов в Тихом океане. Старейший африканский дракон не подал голоса. В последнее время его сигналы становились все слабее и слабее, и сегодня Алнонд понял, что еще один Целитель ушел от них навсегда.

Как только дракон умирает, его собственное пламя, высвобождаясь, сжигает его дотла. Вот почему никто и никогда не находил останков драконов. Если же по каким-либо причинам самовоспламенения не происходит, например, если дракон умер в воде, как мать Метты, – его сжигают сородичи. Драконы верят, что душа уносится ввысь вместе с чистой энергией огня. Алнонд пристально вглядывался в ночное небо, как делал это часто после смерти жены, словно надеялся получить ответ на мучивший его вечный вопрос, но звезды отрешенно мерцая, хранили свои тайны.

Незаметно для себя он уснул на мягкой подстилке из кедровых игл и дубовых листьев и проснулся лишь на рассвете, когда повсюду еще царила утренняя тишина. По крутой заросшей тропе он спустился к берегу. Небо и вода были окрашены нежными пастельными красками. Чайки летали над морем молча, изредка переключаясь приглушенными голосами.

Неожиданно посреди этой незыблемой тишины вода у берега взбурлила, и из фейерверка брызг и пены вырвалась Метта, сверкая глазами и мокрой кожей.

– Напугала, напугала! – радовалась озорница, прыгая вокруг отца.

Алнонд смотрел на нее с нескрываемым удовольствием. Люди многое потеряли, лишив себя возможности видеть драконов. Вряд ли сыщется в природе более красочное и великолепное создание. Китайцы, раскрашивая изображения драконов всеми цветами радуги, несколько не погрешили против истины.

К тому же в организме дракона содержится настоящее золото. Особенно сильна его концентрация в многочисленных рожках, украшающих голову, когтях и шипах на хвосте. В коже его присутствие выражается едва уловимым мерцанием, особенно заметным при

солнечном свете. С годами краски и золото несколько тускнеют, как у Алнонда, но молодежь вроде Метты представляет собой сказочное зрелище.

К сожалению, драконов осталось совсем немного. Уцелело несколько сотен крылатых драконов, остальные, как Метта и Алнонд, – бескрылые. Бескрылые живут у воды – морей и озер, крылатые предпочитают поросшие лесом труднодоступные горы.

Хотя все драконы хорошо маскируются, подобно хамелеонам, природа пошла еще дальше, наградив молодняк – видимо, для того, чтобы надежнее уберечь его от опасности – способностью, помимо окраски, изменять очертания своего тела. Эту привилегию молодежь сохраняет примерно лет до пятидесяти, пока еще кожа их нежна и эластична. Позже могучему дракону никто не страшен.

Впрочем, человек со своим изощренным оружием представляет и для драконов реальную опасность, так что по сравнению с беззащитными животными, не имеющими возможности постоять за себя или спрятаться от вездесущего человеческого глаза, охотничьих собак и оптического прицела, драконы, умеющие исчезать, находятся в более выгодном положении.

Метте недавно исполнилось двадцать лет, что по меркам драконов считается вступлением в юный возраст. Она часто пользовалась своей способностью к мимикрии не столько из соображений безопасности, сколько для развлечения. Прикинуться камнем или деревом для нее было совсем не сложно; гораздо труднее было скопировать живое существо. Для этого требовалось наличие значительного количества таких существ, то есть живая среда.

Как нельзя лучше для тренировок подходили дельфины. Они не сразу замечали невесть откуда взявшегося чужака, и Метта успевала вдоволь покувыркаться среди подвижных животных, но, как только они начинали проявлять к ней беспокойный интерес, она пряталась в ближайшей подводной пещере.

Драконы – существа совершенные, идеально приспособленные к жизни в дикой природе. В них счастливо соединились особенности разных ее представителей. Например, дракон, подобно морской игуане, может пить соленую воду и опреснять ее, выбрасывая соль из ноздрей маленькими фонтанчиками. Он может опускаться на большую глубину и подолгу находиться в воде, сохраняя кислород в легких.

На этом его сходство с морскими ящерицами заканчивается, так как драконы выкармливают детенышей молоком. Потомство у них рождается беспомощное, но к концу первого года жизни маленький дракон хорошо ориентируется в окружающей среде.

Плавают драконы почти так же быстро, как дельфины. У них сильные лапы с пятью пальцами и длинными когтями. С их помощью они с легкостью лазают по отвесным скалам, где находят удобные для жилища пещеры. Морские и озерные драконы питаются рыбой и водорослями, но могут есть различные растения и плоды на суше.

Даже их способность изрыгать пламя может оказаться не столь уникальной, поскольку далеко не все еще изучено в огромном многообразии окружающего нас мира. Пользуются ею драконы крайне редко и исключительно в целях самозащиты.

Есть у них общие черты и с человеком, и главная из них – умение общаться с помощью речи.

В остальном же драконы, видимо, представляют собой иную форму разумной жизни, которую тщетно ищет человечество на других планетах, не подозревая, что она совсем рядом, на Земле.

С точки зрения самой логики их существования в драконах все глубоко рационально – и огромный энергетический потенциал, и телепатические способности, а главное – обостренное восприятие красоты, что и делает их Целителями.

Глава 4

Лето прошло, и постепенно сопки окрасились в рыже-красные цвета. Теперь у Метты оставалось мало времени для игр. После смерти африканского сородича по Земле прокатилась волна землетрясений. Надо было немедленно восстанавливать равновесие, и Алнонд с Меттой большую часть дня проводили в занятиях.

Метте приходилось взрослеть раньше времени, но что поделаешь, думал Алнонд, жалея дочь, вот скоро подрастет маленький Ургонд на островах, тогда станет полегче. А там, глядишь, и Метта найдет супруга – у Алнонда уже были на примете два кандидата, правда, для знакомства одной из сторон пришлось бы отправиться в далекое путешествие. Но это должно было случиться еще не скоро, а пока Метта прилежно постигала премудрости целительства, радуя отца своими способностями.

Однажды утром, в самом начале ноября, Метта проснулась от звуков возни, которую устроили малютки-бурундуки в сухих листьях прямо у ее уха. Некоторое время она сонно смотрела на клубок из полосатых спинок и пушистых хвостов, не в силах окончательно проснуться. Она лежала на облюбованной ею полянке, в ворохе сухих водорослей, которые сама же и натаскала. Лес уже дышал морозным воздухом. Снегопады в этом году запаздывали, но Метта знала – еще день-два, и сопки оденутся в рассыпчатую белую шубу.

Она встала, осмотрелась, потом, цепляясь за острые камни золотистыми когтями, спустилась к морю.

Алнонд сидел на берегу. Дул холодный пронизывающий ветер. Волны с шумом разбивались о скалы. Над водой клубился молочный туман. Метта сразу почувствовала, что отец расстроен.

– У нас несчастье, – не дожидаясь вопроса, сообщил Алнонд. – Что-то случилось с малышом Ургондом. Биронд и Сетта просят нашей помощи.

– Тогда отправляемся немедленно, – взволновалась Метта. – Ты точно не знаешь, что случилось? Он жив?

– Надеюсь, что так, иначе они бы нас не звали.

Им предстоял долгий путь на юг вдоль побережья, через Корейский пролив и Восточно-Китайское море до далеких Филиппин, на остров Лусон. Там в горах жила молодая супружеская пара крылатых драконов – Биронд и Сетта. Год назад они обрадовали всех долгожданной вестью: в мир пришел новый Целитель – маленький Ургонд.

– Помнишь, как мы ликовали, когда он родился? – печально спросила Метта.

– Да, то был счастливый день. Все Сообщество праздновало это событие. Каждый новорожденный – луч надежды для всех Целителей.

– Ах, маленькие драконы так любопытны, – сокрушалась Метта, – наверное, он вылез ночью из пещеры, когда родители ушли на гору, и потерялся.

– Нет, – задумчиво произнес Алнонд, – тут что-то другое. Не мог он потеряться. Родители всегда знают, где их дитя. Вот что я думаю: или он где-то очень далеко, настолько, что они его не слышат, либо к нему невозможно подобраться.

– А почему они зовут именно нас? – спросила Метта, зная, что гораздо ближе, по ту сторону Южно-Китайского моря, тоже живут драконы.

– Пока не могу сказать точно, но догадываюсь, – Алнонд посмотрел на дочь с поразившей ее нерешительностью, совершенно ему несвойственной.

– Ты говорил, что они собирались перебраться на материк, – продолжала размышлять Метта. – Почему же они этого не сделали?

– К сожалению, Ургонд еще не может летать. Такой перелет будет ему по силам только года через три-четыре. У них в горах давно стало беспокойно. Надо было им раньше улетать, еще до рождения Ургонда.

Алнонд был прав: испокон веков жили драконы в лусонских горах, и никто никогда их не беспокоил, но в минувшие несколько десятилетий население островов стремительно увеличивалось, развивался туризм, по лесу шныряли браконьеры-контрабандисты, отлавливая обезьян и попугаев. Драконам становилось неуютно. Постоянно приходилось быть начеку, но, видно, все же недоглядели.

Туман постепенно рассеялся, и сквозь пепельные облака проглянуло неяркое солнце. Алнонд и Метта бросились в серо-зеленую холодную воду, чтобы подкрепиться перед дальней дорогой. Метта заставляла себя есть. Аппетита не было – с одной стороны, дурная весть, с другой – волнение от внезапной перемены в жизни.

Никогда прежде не покидала она родных мест. Впереди ее ждали неведомые страны и, возможно, опасные приключения. От этих мыслей сердце ее билось быстрее.

Наскоро перекусив, они провели еще несколько минут на суше, обсуждая свои действия.

– Сколько туда плыть? – спросила Метта.

– Боюсь, дней семь-восемь мы потеряем, – озабоченно ответил Алнонд. – Сначала поплывем вдоль побережья, чтобы было где останавливаться, а то ты такой скорости долго не выдержишь. Потом через пролив, а дальше уже много мелких островов, так что можно плыть напрямик.

– Я могу плыть долго! Не беспокойся, я не устану, – постаралась заверить отца Метта.

– Знаю, знаю, какая ты у меня храбрая, – ласково сказал Алнонд, – только, чур, слушаться меня во всем. Сдается мне, что наш заплыв еще не самое трудное. Ну, что же, – решил он, – времени у нас в обрез, так что – в путь!

Преодолев пенные холмы прибоя, они скоро очутились в открытом море и сразу снялись с места на большой скорости. Неутомимый странник морей, альбатрос, видел сверху, как два невиданных существа понеслись, сверкая, на юг, туда, где небо сливалось с волнами в одну сплошную линию.

Глава 5

Ноябрьским ранним утром в парижской квартире Рене Мартена раздался звонок.

Рене протянул руку к телефону, но трубка оказалась лежащей далеко на журнальном столике. Кляня себя за беспорядок, Рене вынужден был встать, высвободив другую руку из-под головы спящей Мари.

– Слушаю, – сонным голосом произнес Рене, глядя на фотографию в рамке, где была заснята Мари с золотой обезьяной на коленях. Руки девушки утопали в блестящей красно-коричневой шерсти ее подопечного, мантией спадавшей с плеч. Своими круглыми как вишня, темными глазами на голубой, симпатичной мордочке со вздернутым носом, он недоуменно таращился в объектив.

– Дружище, – услышал Рене голос Жана Дюфо, давнишнего своего приятеля и бывшего однокурсника. – Извини, что разбудил. У меня к тебе срочное дело. Если позволишь, я заскочу через полчаса.

Нельзя сказать, чтобы Рене с Жаном связывала дружба, но как-то так получалось, что они периодически встречались. Инициатива всегда исходила от Жана – ему вечно что-то было нужно от Рене: то консультация, то помощь в написании статьи, то он просил осмотреть больное животное, потому что знал – лучше Рене никто не поставит диагноз. Когда-то они учились на одном факультете, оба стали зоологами, но Рене намного превосходил Жана как специалист. В свои тридцать лет он был уже известным и уважаемым ученым в кругах натуралистов. Он организовал несколько экспедиций по изучению диких животных в Южную Америку, Африку, Таиланд, на острова Кука, снял с десятков научно-популярных фильмов и написал много интересных статей. Он был одним из ярких защитников дикой природы. Благодаря усилиям его и других ученых, несколько территорий были объявлены заповедными.

Рене не знал, чем, в частности, занимается Жан; тот то появлялся, то исчезал из поля зрения. Говорил, что был в экспедиции, но Рене никогда не видел каких-либо привезенных им видео– или фотоматериалов. Жан как-то очень ловко умел уходить от конкретных разговоров, пользуясь тем, что Рене, как любой увлеченный своим делом человек, был забывчив и не уделял внимания мелочам.

Жан пришел через двадцать минут. Пройдя с Рене в кабинет и усевшись в кресло, он сразу же приступил к делу:

– Наш коллега из Манилы прислал мне фотографию животного, найденного в лусонских горах. Признаться, я в затруднении. Взгляни, пожалуйста, сам.

Рене взял фотографию и удивленно вскрикнул. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять – в руках у него снимок совершенно неизвестного животного. Его можно было принять за игуану, если бы не высокая шея с изящно посаженной головой и непонятно откуда взявшиеся маленькие уши, да и тело было длиннее, и краски ярче, чем у игуаны.

– Каких он размеров? Ты что-нибудь узнал? – возбужденно спрашивал Рене. В нем мгновенно проснулся азарт ученого, оказавшегося на пороге открытия.

– Мне сказали, что величиной он с небольшую собаку.

– Я надеюсь, они запомнили место, где его нашли? – беспокоился Рене.

– Видишь ли, – замялся Жан, – его нашли невежественные крестьяне, держали у себя дома, потом сообщили в Манилу. Мой друг приехал туда немедленно и просит ему помочь. Кажется, животное заболело, и никто не знает, как и чем его лечить.

– Мы сейчас же вылетаем на Филиппины, – объявил Рене и бросился собирать вещи.

Он сообщил Мари куда едет, но о причинах поездки решил пока не говорить – все это могло оказаться очередной фальсификацией.

Мари привыкла к его неожиданным отъездам, к тому же сама была опытным ученым-натуралистом и собиралась через два дня ехать в Китай, в провинцию Сычуань, изучать золотых обезьян. Это был ее конек – она буквально жить не могла без этих очаровательных приматов.

Жана очень обрадовало решение Рене.

– Я знал, что ты не откажешь, дружище, – сказал он.

Прибыв в Манилу, они сразу пересели на вертолет и отправились на север острова в небольшой горный городок. Несмотря на то, что все здесь носило отпечаток бедности, город произвел на Рене приятное впечатление своим особым колоритом. Каждый домик выглядел из зарослей высоких тропических деревьев. По узким улицам, мимо кустарных лавок и магазинчиков, ездили размаленные яркими красками допотопные джипы, часто дополненные деталями от других автомобилей. Казалось, водители соревнуются в том, кто ярче раскрасит свою машину, навесит на нее больше побрякушек и даже приделает фигурки на капот.

Именно на таком джипе Рене и Жан подъехали к небольшому домику, обнесенному бамбуковой изгородью. Рене удивило, как сразу и уверенно нашел Жан нужный адрес, словно бывал здесь неоднократно. Жан постучал в дверь, которую открыли не сразу.

Слышно было, как отпирали несколько замков и гремели засовами. Наконец дверь отворилась, и Рене увидел двух дюжих молодцов неприветливого вида. Высокие, крепкие, черноволосые, они не были похожи на филиппинцев. Не говоря ни слова, парни пропустили вновь прибывших в небольшую комнату и закрыли за ними дверь.

В комнате, кроме железной кровати и грубого деревянного стола, ничего больше не было. На окнах за простыми ситцевыми занавесками скрывались крепкие решетки.

В углу, на тростниковой подстилке, неподвижно лежало то самое существо, которое Рене видел на фотографии. Быстро освободившись от рюкзака и видеокамеры, он поспешил к маленькому пленнику и стал его осматривать. При этом он несколько раз издавал удивленные восклицания. Больной же никак не реагировал на прикосновения и даже не открывал глаз.

– Давно он здесь? – обратился Рене к Жану.

– Да уже дней пять, – откликнулся Жан.

Он стоял в стороне, держа руки в карманах, и безучастно наблюдал за Рене в то время как тот, занятый своим пациентом, все больше наливался гневом.

– Это неслыханно! – наконец вскричал Рене, вскакивая. – Почему за ним никто не ухаживает? Он же совсем ослабел. – Он повернулся к Жану: – Где твой друг из Манилы? Что это за коллега, бросивший умирать уникальное животное?

– Кто же виноват, что звереныш ничего не ест? – пожал плечами Жан, глядя в сторону.

Рене открыл рот, чтобы разразиться очередной гневной тирадой, но вдруг начал осознавать всю необычность ситуации – и убогость обстановки, и внушающие подозрение молодчики в прихожей, и непонятное поведение Жана.

– Что тут происходит, Жан? – вымолвил Рене, остолбенело глядя на своего приятеля. – Кто эти люди за дверью?

Он вспомнил постоянные таинственные отлучки Жана, его уклончивые ответы, и тогда догадка превратилась в уверенность.

Он подошел к Жану и спросил в упор:

– Ты что, торгуешь животными?

Глаза Жана забежали, лицо исказилось злобой, и он выкрикнул:

– А что мне еще, по-твоему, остается делать? Ты когда-нибудь думал, на что я живу?

Рене смотрел на Жана и не узнавал его. В сущности, он никогда его как следует не знал. Вечно занятый животными, он мало интересовался людьми. Даже девушки у него долго не

было. Что касается Мари, то с ней он познакомился в Китае, куда они оба приехали в одно и то же время изучать обезьян. Все его предыдущие романы заканчивались очень быстро, к обоюдному облегчению сторон – Рене было скучно с женщиной, которая не выражала восторга при виде сумчатой летучей мыши или рогатой жабы, а для его случайных друзей всегда существовал риск найти в своих туфлях или сумке какого-нибудь редкого паука или змею.

Так что с Мари ему просто повезло. Она так же, как и он, была страстным исследователем и защитником дикой природы, что и послужило их сближению. Они жили вместе уже два года и подумывали о женитьбе.

С Жаном Мари встречалась лишь однажды, и он ей сразу не понравился, о чем она не преминула сообщить Рене.

– Скользкий тип, – безоговорочно определила она со свойственной женщинам проницательностью и тут же о нем забыла, поскольку так же, как ее возлюбленный, не задерживала внимания на всем, что не касалось Рене или их работы.

Жан нервно ходил из угла в угол:

– Что смотришь? Ну да ладно, надоело притворяться. Нет никакого друга из Манилы, и крестьян никаких тоже нет. Я намеренно привез тебя сюда, чтобы ты вылечил найденныша. – Жан перевел дух и заговорил спокойнее: – Мне обещали за него большие деньги. Я-то сразу смекнул, не глупее тебя, что это какой-то неизвестный зверь.

– И давно ты этим занимаешься? – холодно спросил Рене.

– Вот только не надо изображать благородное негодование! – раздраженно отмахнулся Жан. – Тебе, сыну богатых родителей, легко быть справедливым и незапятнанным. Какие у тебя были заботы? Только о своем зверье и беспокоился!

А мне, к твоему сведению, всегда самому приходилось зарабатывать на хлеб. И вообще, что ты обо мне знаешь? – Жан снова начал заводиться. – Ничего! Я тебя никогда не интересовал. А теперь ты мне не интересен. И учти, отсюда ты не выйдешь, пока не вылечишь эту ящерицу. – Жан пошел к двери и уже с порога добавил: – Еще, чтоб ты знал, мне плевать на то, что ты обо мне думаешь!

С этими словами он вышел, с силой захлопнув дверь.

Рене повернулся к своему невольному подопечному. Времени на обиды не оставалось. Как всегда, ученый победил в нем человека. После беглого осмотра Рене пришел к выводу, что перед ним детеныш какого-то крупного животного. Никаких повреждений или признаков болезни Рене у него не обнаружил. Видимо, малыш был просто истощен и напуган. Рене встал и забарабанил в дверь. Открыл ухмыляющийся Жан:

– Ну что, как там наша рептилия? – Он стоял на пороге, перекрывая выход.

– Могу тебя удивить – это не рептилия, так что немедленно доставьте мне сюда свежего молока, бутылку с соской, бананы, манго и все, что растет в здешних лесах.

Через некоторое время Рене получил то, что просил. Теперь предстояла трудная задача накормить маленького незнакомца. Рене подошел, осторожно взял его на руки, прижал к себе и стал ходить с ним по комнате, ласково разговаривая и укачивая, как ребенка. Через некоторое время малыш поднял голову и посмотрел ему в глаза удивительно осмысленным взглядом. Рене очень обрадовался, но продолжал действовать осторожно, чтобы снова не напугать детеныша. Сначала он дал ему понюхать бутылочку с небольшим количеством молока, и Сэнди, как назвал его Рене, взял соску мягкими губами. Он съел совсем немного и, видимо, устав, заснул на руках у Рене, доверчиво уткнув голову ему подмышку.

С этого момента дело пошло на поправку. Малыш начал есть и набираться сил. Рене поражался той привязанности, которую выражал ему Сэнди. Ни одно дикое животное не доверяет человеку так сразу и безоглядно, для этого требуется много времени. Правда, Сэнди был еще маленьким, но все же не новорожденным, а вполне оформившимся и самостоятель-

ным существом. Рене потребовал, чтобы их с Сэнди выпускали в небольшой садик за домом, и Жан, обрадованный его успехами, разрешил прогулки под наблюдением все тех же двух охранников.

Прошло несколько дней. Жан куда-то исчез и не появлялся. Рене наблюдал и изучал Сэнди, все больше привязываясь к этому удивительному созданию. Малыш был очень красив. У него была мягкая кожа, с проступающими на ней яркими разноцветными многогранниками. От холки до кончика хвоста намечались холмики гребня, большие глаза напоминали цветом темный янтарь. Он забавно и важно ходил на крепких лапках по комнате, стуча по полу золотистыми когтями. По бокам у Сэнди были какие-то кожистые образования, назначение которых Рене не сразу понял. Тем не менее, будучи опытным натуралистом, он стал смутно догадываться о характере этих складок, и однажды, решившись, с замиранием сердца и не веря самому себе, потянул и открыл самое настоящее крыло. Тут Сэнди расправил второе и, хлопая довольно большими для своих размеров кожистыми крыльями, смешно запрыгал по комнате, пытаясь взлететь.

Рене, сидевший на корточках, от удивления так и грохнулся на пол. Видеокамеру и фотоаппарат, а заодно и мобильный телефон, забрал Жан, поэтому Рене только и оставалось, что ошеломленно и восторженно взирать на это зрелище. За неимением большего он стал делать записи и прятать их под матрац, чтобы Жан не отнял и это.

Глава 6

Алнонд и Метта сделали последнюю ночную остановку на островке близ Тайваня и еще до рассвета пустились в последний заплыв до Филиппин. По пути их следования тянулась целая гряда маленьких живописных островов. Они манили к себе усталых пловцов, обещая желанный отдых на теплых берегах, но останавливаться было некогда.

Лишь к вечеру достигли они северной оконечности острова Лусон. Выбравшись на берег уже в темноте, Алнонд с дочерью отправились в лес, откуда исходил безмолвный зов лусонских драконов.

Биронд и Сетта спустились с гор навстречу путешественникам и ждали их на поляне, среди высоких папоротников.

Ласковая тропическая ночь была напоена незнакомыми Метте терпкими ароматами. За черными деревьями, в прохладных густых зарослях, таились неясные звуки, невнятные шорохи, потрескивали сухие сучья под легкими, осторожными шагами. В переплетении темных ветвей на миг мелькал отсвет луны в чьих-то круглых глазах и тут же пропадал.

Биронд начал печальное повествование, прерываемое всхлипываниями Сетты.

Был конец октября, рассказывал он, заканчивался сезон дождей. Еще несколько дней, и можно было бы не оставлять маленького Ургонда одного на ночь в пещере. Летать он еще не умел, а подниматься по скользким склонам ему было трудно.

Родители по ночам уходили на вершину горы, а он, привыкший к их каждодневным отлучкам, спокойно засыпал. Но, вернувшись в тот злосчастный день, они не нашли сына в пещере. Подняться по отвесным склонам к их жилищу не смог бы никто, тем более по мокрым камням, и это означало, что малыш выпал сам, но внизу его тоже не было. Его не было нигде.

Драконы облетели окрестности, поднимались высоко в горы, спускались в овраги и лощины, но нигде не ощутили присутствия своего ребенка. Охваченные отчаянием, они, однако, решили переждать дневное время и продолжить поиски на следующую ночь. Как только стемнело, они полетели вниз, к небольшому городку, и там, в доме на восточной окраине, уловили слабые волны страха и тоски, исходившие от их мальчика.

– Чем мы можем вам помочь? – спросил Алнонд, хотя и так уже знал ответ.

– Не вам объяснять, что, объявив войну людям, мы подвергнем опасности жизнь Ургонда.

– Вы правы, – согласился Алнонд, – если мы решимся на открытую войну, не обойдется без жертв. Мы рискуем не только Ургондом, но и здоровьем Великой Матери.

– Мы рассудили так же, и тогда подумали о тебе, Метта. Ты можешь проникнуть в этот дом под видом человека. Никто из нас и живущих за морем драконов не в состоянии изменить внешность – все мы вышли из этого возраста. Только в тебе, девочка, наше спасение. Без Ургонда мы – ничто. Сейчас нам нечего предложить Земле, кроме своих страданий.

Голова Биронда клонилась все ниже; видно было, что ему трудно говорить. Сетта закрылась крылом и не двигалась.

– Конечно, – вскричала Метта, – я сделаю все, что нужно! Я верну Ургонда, клянусь Великой Матерью! Верьте мне, все будет хорошо!

Она повернулась к отцу:

– Ты сможешь? Научи, что мне делать.

В ту ночь мудрый Алнонд долго беседовал с дочерью. Он рассказывал ей о мире людей, давал наставления, отвечал на ее вопросы. Под конец он сказал:

Я знаю, ты умная девочка, но одной тебе не справиться.

Метта смотрела вопросительно.

– Найди себе помощника, – сказал Алнонд. – Ты можешь заглянуть в душу живого существа. Найди Человека.

Он не сделал ударения на последнем слове, но Метта поняла своего отца, потому что всегда видела то, что скрывалось за словами.

Утром она поплыла вдоль островов, держась на почтительном расстоянии от берегов и рыбацких лодок. Вскоре ее взору открылся белый пляж, где было уже довольно много отдыхающих. Метта затаилась в прозрачной лагуне среди кораллов и стала ждать.

Наконец она увидела то, что ей было нужно. Загорелые юноши и девушки с визгом и хохотом попрыгали в воду и стали брызгаться и шутиливо бороться друг с другом.

Ах! Как хотелось юной Метте принять участие в их веселых играх, но высоко в горах плакала Сетта, и мучился в неволе маленький брат; и этот жаркий берег, и белые сыпучие пески, и полные жизни молодые тела подстерегала нежданная и будто нереальная угроза. Метта угадывала ее едва ощутимые разряды, чуть слышные отдаленные раскаты – что-то зрело в воздухе, в безмятежном синем небе, в невесомых летних облаках и еще выше, гораздо выше.

Молодая компания продолжала весело плескаться у берега, как вдруг одна из девушек вскрикнула. Она закрутилась в воде, указывая в глубину.

– Смотрите, смотрите, там что-то есть, – кричала она, срываясь на визг.

Ужас передался другим купальщицам. Они видели, как что-то длинное, разноцветное скользит между ними во вспененной воде. Это не было похоже на акулу, но все неведомое внушает страх. Мужчины поспешили на помощь, увидев дам в беде, но тут в середине круга встревоженной молодежи вынырнула незнакомая девушка и встала, смеясь и отряхивая волосы.

Крикуньи смущенно умолкли, разглядывая возмутительницу спокойствия – девушки с завистью, мужчины с интересом.

Да и было на что посмотреть: высокая, с золотистой мерцающей кожей, она поражала своими экстравагантными волосами – некоторые пряди казались абсолютно золотыми, остальные были красными, синими, зелеными... Все это многоцветье сияло и тяжелой массой спадало до пояса.

Метта, а это была она, помахала им рукой и снова исчезла в воде. На ней не было никакой одежды и, хотя многие женщины на этом пляже пренебрегали верхней частью купальника, она все же решила не привлекать к себе излишнего внимания.

Вскоре ей удалось стащить полотенце у влюбленных, самозабвенно целующихся у самой воды. Завернувшись в него, Метта пошла под навесы и вскоре появилась на другом конце пляжа в светлых шортах, розовой майке и легких сандалиях.

Теперь надо было приступить ко второй части плана. То в одном, то в другом месте она садилась на песок неподалеку от курортников и слушала, как они говорят. Скоро она поняла, что разговаривают они на разных языках. Тогда она выделила один, на котором говорило большинство, и провела в изучении целый день, переходя от одной пары или группы людей к другой.

Она обнаружила, что у молодежи был какой-то свой, упрощенный способ общения. Какое-нибудь одно и то же коротенькое слово могло выражать разные чувства и понятия. Однако Метта решила учить язык как следует – пришлось пожертвовать еще одним днем.

Одновременно она искала себе верного союзника, и вот тут-то задача оказалась намного сложнее. Уж лучше бы ей ничего не чувствовать! Временами Метте становилось дурно, хотя отец предупреждал, с чем ей придется столкнуться. Она бросалась в спасительные волны родной стихии, словно хотела смыть с себя черную, липкую грязь, потом, стиснув зубы, снова шла на поиски.

Встретилось ей много порядочных и честных людей, но их интересы были мелки, сиюминутны – они тихо проживали дни, вдали от всяких треволнений, замкнувшись в своем маленьком мирке, глухие и слепые ко всему, что могло нарушить размеренный ритм их жизни.

Лишь на третий день, не на суше, а глубоко под водой, среди коралловых рифов, ночью, привлеченная светом фонаря, она увидела бронзового юношу с аквалангом и в маске, а за ее стеклами изумленные глаза, распахнутые навстречу красотам подводного мира.

Глава 7

Доменг родился и вырос на Филиппинах в маленьком городке у моря, на острове Минданао, где жили и умирали несколько поколений его предков. Происходил он из бедной тагальской семьи, был черноволос и черноглаз, со смуглой, выдубленной ветром и солнцем кожей. Совсем еще маленьким мальчиком начал он помогать отцу и дедушке Итою ловить рыбу и устриц. Жили они бедно, в ветхом домишке, но Доменг считал себя счастливым ребенком. Едва проснувшись, он бежал к морю, которое каждый день сулило ему новые чудеса и богатства. Где еще можно было сыскать столь восхитительное сокровище – перламутровую, острую, как рог, закрученную раковину? Она хранила вечное дыхание родного моря и переливы розовых кораллов на выпуклых боках. Кому еще выпадало счастье наблюдать, как красная пятнистая морская звезда плавно опускается на дно, свободно раскинув волнистые лучи, или как маленький рак-отшельник, боясь оставить без присмотра свою келью, таскает ее всюду за собой?

Раз в неделю отец брал за руку Доменга, бойцового петуха под мышку и отправлялся в портовый город Замбоангу, где была самая большая на островах площадка для петушиных боев и куда стекался простой люд со всего архипелага.

Доменг не любил петушиные бои и ходил на них только в угоду отцу – тот считал, что так воспитывает из сына мужчину. Мальчику совсем не нравилось зрелище окровавленных птиц, разгоряченных лиц и горящих глаз. Мужчины кричали, принимались ставки, радость одних сменялась разочарованием других. Отец тоже кричал и хватался за волосы. Доменг отключался от происходящего, гвалт вокруг него становился все слабее и слабее, и вот он уже в полной тиши, в предрассветном тумане, скользит в лодке по темной воде, бесшумно отталкиваясь бамбуковым шестом. Надо отплыть совсем недалеко от берега и здесь, на безупречной глянцевой глади моря, застывшего в предутренней дреме, закинуть удочку. Лодка чуть покачивается, вода хлюпает в днище; скоро край огромного красного диска покажется из-за горизонта – еще минута, и море вспыхнет, как сапфир, и это будет первым из чудес начинающегося дня.

Окончив школу, Доменг отправился искать работу. Отличный пловец, он надеялся устроиться спасателем на одном из туристических островов, но ему повезло еще больше. После недолгого обучения его взяли инструктором по подводному плаванию при отеле на маленьком острове, всего семь километров в длину, с экзотическими пещерами, буйной тропической растительностью и неправдоподобно белым песком. Остров был изумительно красив, но Доменга, влюбленного в море, больше притягивал глубинный мир с его таинственной, скрытой от глаз жизнью.

Налюбовавшись за день красотами коралловых рифов вместе с ныряльщиками, которых он опекал, Доменг вечером снова опускался под воду, вооружившись специальным фонарем. Он обнаружил, что настоящая жизнь на рифах начиналась именно ночью.

Непередаваемой палитрой красок расцветали кораллы, когда полипы раскидывали щупальца во все стороны в поисках планктона. Этот живой неземной сад завораживал юношу. Здесь, как и на суше, происходили свои безмолвные войны. Стаи прожорливых рыбок набрасывались на кораллы. Полипы нападали на соседей, отвоевая друг у друга территорию. Из губчатых круглых отверстий выглядывали крошечные креветки, шевеля стеклянными усиками. Маленькие рыбешки, прячась от больших в коралловых зарослях, сбивались в серебристые косяки и вспыхивали то здесь, то там, мгновенно перемещаясь так, что не уследить глазом. Иногда приплывали большие горбоголовые рыбы, с зубами, похожими на резцы, и откалывали ими целые куски окаменевших кораллов, оставляя после своей трапезы тучи того самого белого песка, который покрывал пляж.

Ничего интереснее, чем эти часы, проведенные под водой, Доменг для себя не представлял. Сам того не подозревая, он сделал ряд маленьких, но ценных для любого океанолога открытий, но, по простоте своей, не смотрел на подводный мир с точки зрения науки.

Видимо, именно эта страсть к морю и стала причиной неожиданной и бесповоротной перемены в его судьбе, случившейся, как это обычно бывает, без всяких примет или предчувствий, но оказавшейся закономерным итогом больших и маленьких событий в его жизни.

В тот день, когда все было, как всегда, Доменг, снабдив очередного клиента аквалангом, маской и инструкцией, опустил с ним к коралловому рифу. Все шло хорошо. Они плыли вдоль рифа, время от времени останавливаясь, чтобы сделать снимки. Потом случилось что-то странное: Доменг, плывший чуть позади своего подопечного, почувствовал, как кто-то взял его рукой за щиколотку и удержал на короткую долю секунды. Он обернулся, но ничего не увидел, хотя ощущение было удивительно реальным. «Наверное, водоросль», – подумал Доменг и поплыл дальше. Тут ощущение повторилось. Он стремительно обернулся и успел заметить не руку, а скорее нечто похожее на лапу ящерицы с длинными золотистыми когтями. Он задержался и стал вглядываться в кораллы. Что-то неуловимо изменилось в их очертаниях. Они словно сливались в одну сплошную радужную массу, которая зыбко колыхалась и фосфоресцировала. Он протянул руку, но вместо острых веточек кораллов ощутил под пальцами абсолютно гладкую поверхность. От неожиданности он застыл на месте в совершенной растерянности. Потом взял себя в руки и нагнал увлеченного созерцанием подводных красот ныряльщика.

Проводив его обратно на пляж, Доменг решил вернуться, чтобы выяснить характер необычного явления. Он подплыл к тому же месту и на сей раз не увидел ничего странного. Юноша уже решил, что все это ему померещилось, как вдруг из-за рифа выплыл настоящий живой дракон. «Не может быть! – подумал Доменг. – Ведь их же не бывает!», но эта мысль как-то не задержалась в его сознании. Почему-то он не испугался, да и дракон был совсем не большой и не страшный, а, наоборот, очень красивый, с разноцветной переливчатой кожей и огромными янтарными глазами. Он покрасовался перед Доменгом, показал себя со всех сторон – и золотые рожки, и невысокий гребень на спине, и изящный хвост, как будто для того, чтобы у Доменга не осталось никаких сомнений в том, что перед ним действительно дракон. Выпустив напоследок небольшую струю пламени из красного зева, дракон ударил хвостом и исчез так же внезапно, как появился.

Доменг так и остался висеть столбом; со стороны можно было подумать, что это утопленник. Неподвижный, влекомый водой, он стал заваливаться на спину. Тогда только вышел из ступора и поплыл к поверхности. За день он еще несколько раз опускался под воду с другими клиентами, захватив фотоаппарат, чтобы непременно заснять дракона, но тот больше не появлялся.

К вечеру отдыхающие наконец-то утомонились и разошлись, кто в дискотеку или в бар, кто просто отдыхать. Влюбленные парочки целовались на берегу или созерцали, как всегда волшебный, закат.

Доменг тоже сидел на белом песке, раздумывая, стоит ли снова заходить в воду.

Он уже порядком устал, но невероятное видение не выходило у него из головы. Вдруг высокая незнакомая девушка подошла к нему и села рядом. На ней была розовая маечка и светлые шорты, волосы спадали на спину яркими разноцветными прядями, ногти на руках и ногах, казалось, были покрыты золотистым лаком.

– Привет, – заговорила девушка, растягивая слова. – Меня зовут Метта. А тебя?

– Я – Доменг, здравствуйте, – вежливо ответил юноша, привыкший быть предупредительным.

– Мы сегодня с тобой встречались, – сказала незнакомка. Видя, что он не понимает, вдруг близко придвинула к нему сияющие глаза, взяла его рукой за запястье и настойчиво продолжала: – Сегодня, у кораллового рифа. Вспомни – это я была там.

Он поверил ей сразу и безоговорочно. Такие глаза нельзя было спутать ни с какими другими. Они ошеломяли – янтарные зрачки казались очень большими, из их мозаичной глубины лился мягкий теплый свет, да и вся она непостижимо напоминала давешнего дракона, впрочем, у Доменга и так не было никаких сомнений – почему, он и сам не смог бы объяснить.

– Ты превратилась в человека? – простодушно спросил он.

– Нет, я не человек. У меня только вид человека. Я искала тебя несколько дней.

Сейчас я все объясню.

Она стала рассказывать. Погасла вечерняя заря. В сгустившейся небесной синеве зажглись нефритовые огоньки. Темные волны, золотясь в свете луны, роптали у берега. В раскидистых кронах деревьев запели сверчки. Ночная жизнь вступала в свои права, а Метта все говорила и говорила, глядя в черные глаза Доменга, где плавали отблески далеких звезд.

Наутро Доменг, ничего не объясняя, взял расчет, и больше его на острове не видели.

Глава 8

Время шло, а Рене и малыш Сэнди по-прежнему жили пленниками, деля на двоих одну комнату и одну кровать. Сэнди теперь упорно не хотел спать на подстилке. Правда, каждый вечер он послушно отправлялся в свой угол, но всю ночь вздыхал, ворочался, а то и начинал ходить по комнате, вырывая Рене из сна стуком когтей.

В конце концов Рене приходилось брать его к себе под бок; лишь тогда беспокойное чадо, еще немного покряхтев, затихало и начинало мирно посапывать. Часто, просыпаясь, Рене обнаруживал у себя на груди его забавную мордашку, как у всякого младенца чистую, безмятежную и трогательно доверчивую.

Рене продолжал наблюдать за ним с дотошностью ученого, ежедневно фиксируя в блокноте буквально каждое его движение. Через неделю после исчезновения Жана, Рене услышал, как у ворот взвизгнули тормоза. Он быстро спрятал записи и приготовился к худшему. Опасения его подтвердились, когда дверь открылась и вошел Жан, а за ним двое мужчин, на этот раз Рене незнакомых. Они внесли большой ящик с проделанными в нем отверстиями, в каких перевозят животных. Парни поставили ящик на пол и вышли. Дверь за ними захлопнулась, Рене с Жаном остались вдвоем, если не считать Сэнди, который ходил вокруг нового предмета, обнюхивал его и старался заглянуть вовнутрь.

– Вот, вот, правильно, привыкай к своему транспорту. – Теперь самодовольная усмешка не сходила с лица Жана. Он чувствовал себя хозяином положения, и видно было, что ему это очень нравится.

Сэнди, как будто поняв его слова, побежал и забился под кровать.

– Ты смотри, – хохотнул Жан, – понимает, уродец.

Тут, до сих пор молчавший, Рене не выдержал и изо всех сил ударил бывшего приятеля в челюсть. Тот потерял равновесие и упал.

– Сам ты уродец. Законченный моральный урод! – Рене заходил по комнате, потирая ушибленную руку. Раньше ему не приходилось драться, но и в подобную ситуацию он попал впервые. – Не пойму только, когда ты им стал, в какой момент. Как ты мог до такого докатиться?!

Жан медленно поднялся, достал из кармана платок и стал вытирать кровь с подбородка – Рене врезал-таки порядочно. Потом посмотрел на своего обидчика и неожиданно расхохотался.

– Ну и ну! – и схватился за разбитую губу. – Видел бы ты себя со стороны. Этакая добродетель во плоти. Пока ты пускал сопли по поводу животных и снимал о них слезливые фильмы, я зарабатывал деньги. Мне и сейчас нет дела до твоих дурацких сантиментов, и если ты собираешься здесь разглагольствовать о морали, то не теряй времени даром. У меня своя мораль. Жить ведь как-то надо. Ты нужды никогда даже не нюхал, вот и бряцаешь тут громкими фразами. Нашлись человечки, у которых была во мне надобность, не в пример тебе. Я им помог – они мне денюжат подкинули, а потом пошло и поехало. Теперь у меня своя клиентура, и я вполне доволен жизнью, представь, даже скопил кое-что.

– И чем же вы тут промышляете? – спросил Рене. – Макаки? Какаду?

– Ну нет, мы такой мелочью не занимаемся. У меня был заказ на гарпию. Мои ребята видели парочку на Минданао. – Он говорил о великолепном редком филиппинском орле.

– Да что ты, – язвительно удивился Рене, – я думал, их уже не осталось. Вы же, наверное, и постарались.

– Постарались те, кто вырубает леса, – возразил Жан. – Ты и сам это прекрасно знаешь.

– Ну а здесь зачем в горы полезли?

– За долгопятами, конечно. Парни мои свое дело знают. Пошли ночью, бродили, бродили и нашли вот этого, – Жан кивнул в сторону кровати. – Теперь главное его вывезти. Если уж тебе неизвестно, что это за зверь, значит, мне светят хорошие денежки. – Он довольно потер руки.

– Да, я вижу, дело у тебя поставлено широко. Только учти, стоит тебе появиться в Париже, и тебя сразу же арестуют. Я сам об этом позабочусь.

– А ты попробуй, докажи. Завтра утром мы заберем ящерицу и уедем, а ты посидишь здесь еще денька два. Потом тебя выпустят, и можешь отправляться на все четыре стороны.

Жан повернулся к двери, собираясь выйти. Рене все же не хотел сдаваться. Будучи сам человеком интеллигентным и глубоко порядочным, сталкиваясь с людьми дурными, он думал о них лучше, чем они того заслуживали, что было не только результатом его воспитания, но и всего образа жизни. Выросший под пристальным вниманием состоятельных родителей, он рано увлекся зоологией, что постепенно переросло в страсть, и как-то незаметно проскочил и трудный подростковый возраст и все соблазны необузданной юности. Как истинный исследователь, далекий от интриг и мук тщеславия, подсиживания и склок, неизбежных в закрытом пространстве одного учреждения, избрав ареной деятельности весь мир, общаясь лишь с такими же, как он сам, влюбленными в свое дело энтузиастами, он не имел врагов, вернее, он их не видел.

Может быть, именно поэтому, избавленный от дрызг и конфликтов, не видя противника в лицо, он воспринимал нарастающее уничтожение природы как одно всемирное зло, не имеющее конкретных лиц и имен, и боролся не с видимым врагом, а зывал с экрана или со страниц своих книг к человечеству в целом.

И вот сейчас перед ним стоял тот самый враг, то самое всемирное зло, обретшее циничное лицо Жана, и сегодня ему нужно было убедить не все человечество, а хотя бы единственного его представителя. Теперь он сознавал, что даже эта задача могла оказаться невыполнимой, и в этом, считал он, была его, Рене, вина.

Обрати он раньше внимание на этого парня, который явно тянулся к нему в студенческие годы, но которого он никогда не замечал в пылу своей эгоистической увлеченности, и кто знает, возможно, сейчас он имел бы перед собой не врага, но друга и единомышленника. Впервые жизнь преподнесла ему урок – своим равнодушием к людям он сам же и навредил природе, которую пытался защитить.

– Зачем же тебе столько денег, Жан, – задал Рене вопрос заведомо провокационный с единственной целью – задержать того для разговора, – ну девочки, вино – все это быстро надоедает, что потом?

– Не считай меня дешевым недоноском, – тут же озлился Жан. – Я давно вышел из этого возраста. – Потом немного успокоился и сказал: – Помнишь Жюли? Я собираюсь на ней жениться. Заведу семью, детей, куплю дом на берегу моря...

– Наверное, с садом ... – подсказал Рене.

– А почему бы и нет, – снова вспылал Жан, – у тебя самого целый замок в Эперне!

– Ну, положим, не у меня, а у моих родителей, – возразил Рене. – Стало быть, ты будешь сидеть в саду и любоваться морем и закатами? Ты, что же, любишь природу? – спросил он с усмешкой и, так как Жан не сразу нашелся, что ответить, продолжал – Да ведь ты же ее и грабишь. Ты и такие, как ты. Я много путешествовал и на самых красивых островах мира видел роскошные виллы президентов компаний, чьи танкеры вылили тысячи тонн нефти в океан; промышленников, чьи заводы загрязняют и отравляют воздух; дельцов, наживающихся на вырубке лесов. И вот в чем парадокс: когда им надо отдохнуть и отвлечься от святого дела самообогащения, они все как один лезут на лоно природы. Жаль, что она не может постоять за себя и дать им здорovenного пинка под зад.

Вы что же думаете – на ваш век хватит? Может и хватит, но что вы предложите вашим детям и внукам? Небо без птиц, голую, изгаженную землю, маслянистое море? И все это уже не за горами. «Сантименты», говоришь?

Жан ничего не успел ответить, и Рене так и не узнал, какое впечатление произвела его речь, потому что внезапно за дверью послышался шум, глухие удары и крики. Жан бросился прочь из комнаты, выскочил в коридор и захлопнул за собой дверь. Снова послышалась возня, потом все стихло. Рене совсем было решил, что передрались жановы прислужники, и хотел позвать схоронившегося Сэнди, но тут дверь распахнулась, и на пороге возникла высокая девушка с диковинными разноцветными волосами. За ее спиной стоял юноша лет семнадцати.

– Где он? – спросила девушка по-английски и прошла в комнату.

– О ком вы говорите? – не понял Рене. – «Хорошо, что Сэнди не видно», – подумал он, а вслух сказал: – Если вы о Жане, то его здесь нет.

Но девушка уверенно направилась прямо к убежищу Сэнди, опустилась на колени и заговорила на непонятном тягучем языке. Сэнди энергично заскреб когтями под кроватью, вылез и бросился ей на грудь. Девушка счастливо засмеялась; они оба посмотрели на Рене совершенно одинаковыми, сияющими радостью глазами. Рене в изумлении воззрился на странную парочку. Они были необъяснимо похожи друг на друга, не только глазами, но и общей цветовой гаммой. Сэнди слился с распущенными волосами девушки, как звериный детеныш сливается с телом матери; только и видны были его яркие глаза-фонарики.

– Все, пойдем, Метта, – сказал ее спутник и направился к двери.

– Ты можешь пойти с нами, если хочешь, – предложила девушка Рене совсем просто, ничего не объясняя и ничего не спрашивая, как будто знала, о чем он думает, и без труда читала в его сердце жажду разрешения внезапно явившейся загадки.

Завернув Сэнди в покрывало и прихватив приготовленный для него ящик, они вышли в прихожую, где видны были следы борьбы и валялся сломанный стул. Из-за закрытой двери, ведущей в другую комнату, доносилось сдавленное мычание.

– Ничего, – сказал юноша, – пусть посидят. Им это полезно. Потом их выпустят – я позаботился.

Рене подумал: «Как быстро все меняется. Ведь это я должен был сидеть здесь запертым и связанным, с кляпом во рту. Что ж, по крайней мере, они этого заслуживают».

Они вышли в уличную прохладу, где под сенью мангового дерева стоял очередной легкомысленный джип. Юноша, которого звали Доменг, сел за руль, Рене рядом, а Метта с Сэнди на заднем сиденье. Джип взревел и покати по тенистым улицам, мимо дремотных лавочек и магазинчиков; хозяева сидели на пороге, улыбались и приветливо кивали головами.

– Могу я узнать, куда мы едем? – осведомился Рене, решив, что пора потребовать объяснений.

– Нам надо добраться до Минданао, – ответил Доменг, – оттуда поплывем на Борнео. Все уже решено.

– Да кто же это решил? – занервничал Рене. – Нельзя таскать Сэнди взад-вперед и показывать людям. Найдутся новые любители редких животных.

– Он не животное, – невозмутимо возразил Доменг, – и его зовут Ургонд. Это имя дали ему родители.

– Сейчас не время для шуток, юноша, – строго сказал Рене. – Вы сделали доброе дело, освободив меня и Сэнди, или Ургонда, если угодно, но теперь надо вернуть его туда, где нашли.

– Вот этого нам делать нельзя. Убежище Ургонда и его родителей раскрыто, поэтому нам надо перевезти его в джунгли Борнео, где он и его семья смогут пожить несколько лет, прежде чем перебраться на материк. Позже я вам все объясню.

Рене задумался: пожалуй, парень прав. Контрабандисты не успокоятся, пока не обшарят все горы в поисках ускользнувшей добычи.

– Ты сказал, у него есть родители?

– Да, и они будут ждать нас в самом сердце Борнео.

У Рене было много вопросов, но он решил отложить их до более удобного случая. Разговоры с этим несловоохотливым юношей сбивали его с толку. «О чем он говорит? – думал Рене. – Как это они договорились с родителями Сэнди? Бред какой-то!»

Но, памятуя об обещании Доменга в дальнейшем все объяснить, он решил набраться терпения и не быть навязчивым.

Глава 9

Метта и ее спутники сошли с парома на острове Минданао и немедленно отправились на попутной машине домой к Доменгу. Ургонд совсем притих в своем ящике, где ему пришлось скрываться на время путешествия. К счастью, такие клетки на пароме были не редкостью – филиппинцы везли бойцовых петухов в Замбоангу, так что в дороге никто не заинтересовался содержимым ящика.

Рыбацкий городок, куда направлялись наши герои, находился от порта совсем недалеко. Миновав несколько бедных построек, маленькую церковь и два-три магазинчика, машина остановилась у дома, окруженного покосившейся изгородью. Едва войдя в мощный камнем двор, Метта открыла ящик и выпустила Ургонда из его узилища.

К всеобщему удовольствию, малыш немедленно запрыгнул в лохань с водой, стоявшую поблизости, и стал в ней плескаться в точности так, как делают это птицы, часто хлопая крыльями и вздымая тучи брызг.

Из дома к ним уже спешили родные Доменга.

– Фели, Фели, – звал дедушка Итой, ковыляя навстречу внуку, – смотри, кто приехал! Наш Доменг!

Матушка Фели торопливо спускалась с бамбуковой веранды, вытирая передником мгновенно навернувшиеся слезы.

– Доменг, мальчик мой! Ну как же так? – причитала она, целуя сына. – Ничего никому не сказал, не предупредил. Мы бы хоть подготовились. И отца дома нет – уехал на три дня на рынок, рыбу продавать.

Тут из дверей вылетела тринадцатилетняя сестренка Доменга, Маринг, и повисла у него на шее. Рене невольно залюбовался девочкой. Она была очень похожа на брата чистым матовым лицом и такими же непроницаемыми, как беззвездная тропическая ночь, удлинёнными глазами.

Доменг попытался представить своих гостей, но, видно, в этом не было никакой необходимости. Гостеприимное семейство радовалось каждому, кто пришел в их дом.

– А это кто? – спросила Маринг, дергая за рубашку Рене и указывая на Ургонда.

Тот уже вылез из своей ванны и теперь топтался у изгороди, сосредоточенно разглядывая куст жасмина с явным намерением им пожить. – Он не кусается?

– Нет, нет, – заверил Рене. – Это – Ургонд. Он очень добрый и все понимает.

– Ургонд, иди ко мне, – обрадовалась Маринг и, схватив его так, что передние лапы оказались у нее на плечах, а задние вместе с хвостом свисали до земли, поволокла десятикилограммового красавца в дом, с трудом преодолев ступеньки крыльца.

Рене и Метта весело переглянулись и вошли вслед за ними в чистые комнаты, устланные тростниковыми циновками.

Рене все уже знал о Метте и Ургонде. Доменг сдержал слово и рассказал французу все, что ему было известно о драконах, когда они вдвоем стояли на верхней палубе раскачивающегося парома, глядя на пену и брызги, вылетающие из-под киля.

Сказать, что Рене был поражен, значило бы не сказать ничего, однако человек очень быстро привыкает к тому, что вчера еще казалось невозможным. Теперь же, наоборот, Рене упрекал себя в том, что сам не увидел очевидного, не только, как ученый, но и как человек всесторонне образованный, хорошо знакомый с мифами и легендами о драконах.

Правда, ему не давала покоя загадка удивительной трансформации Метты, и особенно ее длительность, не поддававшаяся никакому научному объяснению; но все же, думал Рене, не надо забывать, что это существа высокоорганизованные, обладающие исключительными

свойствами, для человека недостижимыми даже с помощью техники. Чего только стоит их энергетическая связь с аурой планеты!

Он понимал со всей серьезностью – судьба свела его и Доменга не с чем иным, как с защитными силами Земли, и теперь их долг состоял в том, чтобы всячески опекать юную и неопытную Метту, попавшую в опасный мир людей.

После того, как гости умылись и привели себя в порядок, радушная матушка Фели усадила всех за накрытый стол и принялась потчевать их адобо – национальным филиппинским блюдом из свинины с уксусом, чесноком и перцем. Метта, до сих пор не знавшая вкуса мяса, поковырялась в тарелке, к большому огорчению хозяйки, и переключилась на жареную рыбу – бангуса, которую мгновенно уплела с большим аппетитом.

Дедушка Итой, хитро улыбаясь за спиной Фели, извлек из необъятных буфетных глубин большую бутылку тубы – пальмового вина. Метта, понюхав неизвестную жидкость, в ужасе отшатнулась, тогда как мужчины приложились к рюмке с большим удовольствием. Рене, знаток вин, сыном виноделов из Шампани, двигал почти профессиональный интерес. Опробовав напиток, он пришел к выводу, что вкус тубы рождает образы моря, солнца и самого дедушки Итоя.

Ургонда тоже покормили и уложили спать здесь же, в комнате, на узком топчане.

Маринг, не сводившая с Метты восторженного взгляда, едва дождалась конца обеда и потащила гостью к себе в комнату показывать свои девичьи сокровища. С тех пор как Доменг начал работать в туристическом бизнесе, дела семьи заметно поправились: дом отремонтировали, обновили крышу, купили телевизор и подержанную автомашину, на которой отец возил рыбу на продажу в Замбоангу. Даже у дедушки Итоя была теперь своя большая моторная лодка, с которой он без конца возился, подкрашивал, смолил и конопатил. У Маринг тоже прибавилось нарядов и безделушек.

Метта, будучи ненамного старше этой приветливой девчушки, принялась с увлечением украшать себя бусами, платками и заколками, впервые с удивлением разглядывая свое отражение в зеркале и не подозревая, как она хороша. Лицо ее притягивало взгляд – оно было необычайно интересно той очаровательной неправильностью черт, которая делает некоторых женщин намного привлекательнее самых классических красавиц. Несмотря на высокий рост, в ней угадывалась угловатость подростка, в то же время движения ее были полны плавной грации и силы.

Недаром Доменг не мог оторвать от нее глаз, да и Рене, как истинный француз, по достоинству оценил ее внешность, впрочем, и здесь пытаясь все подвести под научную основу. Он был твердо уверен – и никто не смог бы его переубедить, – что женское лицо лишь тогда по-настоящему красиво, когда на нем лежит печать доброты и интеллекта, а поскольку Метта сочетала в себе чистоту и щедрость самой природы с мудростью дракона, то вполне закономерно, считал Рене, что она приобрела столь неотразимую человеческую внешность.

Покрутившись у зеркала, юные кокетки побежали в столовую продемонстрировать украшения и застали странную картину. Ургонд восседал на топчане и с его высоты недоуменно взирал на подвыпившего дедушку Итоя, который стоял на коленях и время от времени бился лбом об пол. Рене и Доменг покатывались со смеху, а матушка Фели испуганно выглядывала из кухни с кувшином в руках.

Доменг вкратце рассказал Метте, что произошло. Угостив всех тубой и сам угостившись сверх всякой меры, дедушка решил подшутить над Ургондом, который только открыл глаза и плохо понимал спросонья, где он и что происходит. Тут ему в нос резко ударил запах алкоголя из рюмки, которую спьяну решил преподнести ему старик. То ли с испугу, то ли от неожиданности малыш дохнул в деда пламенем, из-за своего возраста небольшим, но достаточным для того, чтобы старый Итой сел на пол, да так и остался сидеть с открытым ртом.

– Дракон, – пролепетал дедушка, осеняя себя крестом, – дракон, – простонал он уже громче и запричитал: – Бедная наша девочка, бедная Маринг! Дракон явился за нашей Маринг! – При этом он крестился и кланялся. – Это нам за грехи наши, просите все у Господа прощения.

– Успокойся, дед. – Доменг смеясь, пытался поднять его с колен. – Ты посмотри, он же совсем маленький. Ну зачем ему наша Маринг?

– Я знаю, знаю, – страшным шепотом говорил Итой, косясь на Ургонда, – еще мой дед рассказывал, что дракон выходит из моря, чтобы ему отдали девушку, не то падут на нашу голову всякие несчастья. Где вы его нашли? Не иначе как на берегу.

– Все это выдумки, дедушка, – вмешалась Метта, – и вы не бойтесь, матушка Фели. С драконами я близко знакома – они не едят девушек.

Тут Рене приложил палец к губам, призывая Метту не продолжать опасный разговор. Деда успокоили и уложили спать. Наивную матушку Фели убедили, что все это шутка – фокусы гостей-европейцев, и на этом инцидент был исчерпан.

Все вышли из дома на воздух. Ургонд занялся исследованием двора, а Маринг ходила за ним по пятам, давая указания:

– Сюда нельзя, Ургонд. Смотри, какие цветочки! А вот мячик, давай поиграем.

– Маринг, – увещевала мать, – оставь его в покое, пусть делает, что хочет.

– Ах, он так мне нравится, так нравится! – воскликнула Маринг. – Он похож на мою Лану.

– У нас во дворе жила ящерица, – пояснил Доменг, – Маринг каждое утро приходила с ней здороваться и даже дала ей имя.

– Да, – печально добавила девочка, – папа копал клумбу и случайно убил ее лопатой. Я тогда столько плакала.

– Я хорошо это помню, – сказала матушка Фели, – как раз через день и началось большое наводнение. Это было в позапрошлом году. Тяжело тогда нам пришлось. Сколько домов снесло, затопило весь урожай риса. Я сама видела, как вода несла буйвола. Несколько человек утонуло. До сих пор страшно вспомнить.

Метта вступила в разговор:

– А ведь вполне возможно, что наводнение случилось из-за ящерицы.

– Как? – удивился Доменг. – Что значит гибель одной маленькой ящерицы?

– Это могло быть последней каплей, – уверенно ответила Метта.

– Не спорь, Доменг, – сказал Рене, улыбаясь и кивая на Метту. – Она знает, что говорит.

– Пошли купаться! – вдруг сорвалась с места Метта и понеслась к близкому берегу.

Рене и Доменг побежали за ней, увязая в прогретом песке. Неожиданно их обогнал Ургонд, который, оказывается, бегал довольно быстро. Метта прямо в одежде с разбегу бросилась в ласковые волны, и скоро ее голова показалась далеко в море. Молодые люди последовали ее примеру и с не меньшей радостью окунулись в воду, искрящуюся в лучах заходящего солнца. Ургонд, добежав до кромки прибоя, лишь обмочил лапы и теперь развлекался тем, что отскакивал от набегавших волн, забавно подпрыгивал и взмахивал крыльями. Рене плескался у берега, так как не мог похвастаться навыками хорошего пловца. Доменг же вознамерился догнать Метту в открытом море, да куда там – за ней не угнался бы и чемпион мира.

Скоро друзья снова сидели все вместе на берегу, обсыхая на ветру под косыми лучами солнца. Ургонд копошился у воды, фыркая и шлепая по мокрому песку лапами.

– Все хочу спросить, – вспомнил Рене, – как вам тогда удалось вдвоем справиться с четырьмя верзилами, что охраняли меня и Ургонда? Да и Жан, вроде, не слабак.

Доменг хмыкнул, указывая на Метту:

– О, это надо было видеть. Она вошла, и они сразу сникли, стали вялыми, бессильными, ругались и тыкались в стены, как слепые котята. Тут мы их и скрутили. Ну, а с Жаном и вовсе не трудно было справиться.

– А ведь ты, наверно, могла бы весь дом подпалить? – спросил Рене.

– Могла бы, но знала, что вы внутри. С огнем шутки плохи. Да в этом и не было необходимости.

– Это действительно опасное оружие, – покачал головой Рене. – Так и убить можно.

– Это не оружие, а средство защиты, – возразила она, – и мы умело им пользуемся. Драконам нельзя убивать – это противоречит смыслу нашего существования.

Но Рене уже не мог остановиться. На него напала жажда полемики, к тому же ему хотелось как следует разобраться во всем, что касалось драконов.

– Но вы же охотитесь. Насколько я понял, горные драконы едят дичь, вы – рыбу. Как же быть с этим?

– Ни мы, ни животные не нарушаем гармонии природы. Один погибает, чтобы жил другой. Тут все уравнивается. Вы же убиваете ради убийства, из прихоти, без всякой нужды, охоту превращаете в спорт, а это и есть настоящее зло. Отец рассказывал, что акул убивают только ради плавников, чтобы сварить из них суп, а все остальное просто выбрасывают. Мне страшно это слышать! Акулы играют важную роль в жизни океана. Кто вообще дал вам право решать, кому жить, а кому умирать?

Метта вскочила, побежала к воде и села рядом с Ургондом, обняв его за шею. Малыш поднял голову и лизнул ее в щеку. Доменг укоризненно посмотрел на Рене; они встали и подошли к Метте. Рене обнял ее за плечи и покаянно произнес:

– Прости, я не хотел тебя расстраивать. Ты же знаешь – все, что ты сказала, нас беспокоит так же сильно, как и тебя.

Они присели рядом с Меттой и Ургондом, и все четверо смотрели на чарующий закат.

Солнце веером раскинуло лучи по небосводу, пронизывая светящиеся палевые облака. Вода переливалась всеми оттенками красного, от пурпурного до светло-оранжевого, и, куда ни кинь взгляд, сверкала огненно-золотистой рябью. Вдали фигурки рыбаков в лодках казались совсем черными на фоне сияющего моря.

– Я думаю, – нарушила молчание Метта, – Создатель для того сотворил Землю столь неизъяснимо прекрасной, чтобы все живущее на ней радовалось и делилось с ней своей радостью. Великая Мать словно заботится о себе сама. Она щедро дарит нас своей красотой и ждет взамен всего лишь благодарности. Отчего же все гибнет, исчезает, становится бесплотной пылью Вселенной?

Иногда я жалею, что могу слышать так много и все разом: и рык раненого тигра в Уссурийской тайге, и загнанный вскрик лисицы в норе, плач черной гориллы, потерявшей детеныша, – и тогда я слабею. Меня терзает страх: что если у нас неостанет сил и надолго ли их хватит?

Ургонд, будущий Целитель, мог погибнуть, став временной игрушкой в руках богатого глупца. А сколько гибнет других, гордых и сильных, хранителей лесов и морей, небес и рек. Они умирают в клетках, в капканах, под пулями, чтобы какой-нибудь самодовольный болван мог хвастливо положить ногу на бездыханное тело и запечатлеть для потомков свое бессмысленное и гибельное деяние.

В глазах Метты стояли слезы.

Последний всполох вечерней зари высветился из-за моря и погас. Пора было возвращаться домой.

Глава 10

Наутро все встали рано и начали готовиться к отъезду. Просторную лодку дедушки Итоя тщательно осмотрели, во избежание скрытой течи, закрепили парус, оснастили канистрами с водой и горючим, снесли в нее корзины с провизией. Когда приготовления были закончены, Рене, Доменг и Метта попрощались с радушной матушкой Фели и прелестной Маринг. Дедушка Итой так и не вышел из своей комнаты.

– Должно быть, спит, – заключил Доменг. – Прямо скажем, перепил вчера дед. Ну да ладно. Поцелуйте его за нас. Лодку скоро вернем в целости и сохранности. Так ему и передайте.

Они пошли к лодке и с изумлением обнаружили, что в ней восседает дедушка Итой, при полной экипировке, с дорожной сумкой и – где уж он ее достал – в военной фуражке.

– Дед, ты куда это собрался? – спросил оторопевший Доменг.

– А вы куда, да еще в моей лодке? – с подозрением спросил Итой.

– Да мы ее на время берем, ничего ей не сделается, – попробовал убедить упряма Доменг.

– Мой корабль не отправится в плавание без своего капитана, – важно заявил дед, плотнее усаживаясь на корме. – Я еду с вами, и точка!

Доменг в растерянности повернулся к Метте.

– Ничего, Доменг, – примирительно сказала она, – может это и к лучшему – будет кому сменить тебя на вахте, – и весело подмигнула Итою.

– Вот видишь, – обрадовался старик, – у девочки-то ума побольше, чем у тебя.

Доменг только сокрушенно развел руками. Они еще не успели как следует занять свои места, как вдруг дедушка Итой закричал громовым голосом:

– Отдать концы!

От неожиданности пассажиры сели, и лодка отчалила. Только они вышли в открытое море, как дед решил, что настала пора для новой команды.

– Поднять парус! – выкрикнул Итой, молодо блестя глазами.

– Дед, ну что ты орешь? – возмутился Доменг. – Так кто-нибудь за борт может свалиться, доиграешься! И вообще, никакой это не корабль, а всего лишь маленькая скорлупка.

Дедушка Итой прямо-таки позеленел. Большого оскорбления ему нельзя было нанести.

– Скорлупка? – задохнулся он. Отдышавшись, потянулся к Рене: – Одолжи-ка мне свой ремень, сынок. Давно пора вздуть мальчишку. Совсем отбилась от рук, – и погрозил внуку высохшим пальцем.

– Да что вы, в самом деле, – решила разрядить обстановку Метта. – Это, конечно, не корабль, но отличная большая лодка. На скорлупке мы не рискнули бы выйти в море.

– Вот, вот, – приободрился Итой, – светлая у тебя голова, дочка, – и сочувственно похлопав Доменга по плечу, произнес: – Ничего, внучек, может, твои дети в меня пойдут, ты-то у нас умом не больно вышел.

Доменг расхохотался и расцеловал деда. Настроение у всех поднялось, и мир был восстановлен.

Итак, маленькое суденышко с пятью пассажирами на борту вышло в открытое море Сулу и, распустив парус, двинулось к острову Калимантан, или Борнео, как до сих пор называют его во многих странах. Дедушка Итой, не пожелавший доверить руль Доменгу, сидел на корме с видом бывалого кормчего, обводя морские просторы орлиным взором.

Ургонд дремал на сухих досках под тентом. Рене с Меттой любовались морским пейзажем и проплывающими мимо небольшими островками, которые кудрявыми шапками возвышались над морем.

Острова эти имели плохую репутацию. Суда и лодки обходили их стороной – ходили слухи, что они служат пристанищем для пиратов, контрабандистов и повстанцев. Но никто из наших новоявленных мореплавателей об этом не знал.

Доменг, похожий на изящную бронзовую статуэтку, стоял под хлопающим тугим парусом, с восторгом созерцая струящиеся по ветру сверкающие волосы Метты. Иногда солнечный блик, отражаясь от золотой пряди, больно бил в глаза, и юноша невольно заслонялся рукой. В конце концов Рене рассмеялся и сказал Метте:

– Не лучше ли тебе надеть косынку, а то мы все ослепнем.

– Верно, – поддержал Итой с кормы, – мешаешь мне смотреть вперед по курсу!

Метта охотно последовала совету, лишив тем самым Доменга его главного развлечения.

Заложив руки за голову, он растянулся на носу лодки и стал следить за двумя птицами, парившими высоко в небе.

– Смотрите, орлы, – указал он вверх, – они уже давно кружат над нами.

Рене тотчас с интересом переключился на близкую себе тему.

– На то они и орлы, – с видом знатока изрек он. – Они могут парить так очень долго, без единого взмаха крыльев, опираясь на воздушные восходящие потоки. – Он пригляделся.

– Наверное, орлы-рыболовы. Здесь, в Юго-Восточной Азии, обитает белобрюхий орлан.

– Какие же они белобрюхие? – возразил Доменг. – Они кажутся оранжевыми. И хвосты у них какие-то длинные.

– Ну, отсюда мало что разглядишь, если только ты сам не орел, – съязвил Рене.

– Перестаньте спорить! – прервала их Метта. – Вы оба ошибаетесь. Это не орлы, а Биронд и Сетта, родители Ургонда. Единственно, в чем ты прав, Рене, так это в том, как они летают.

Мужчины ошалело уставились на Метту.

– Значит, мы плывем с эскортом из двух драконов над головой? – осведомился Рене.

– Да, и не только над головой! – отрезала Метта.

Оба разом повернулись к ней:

– Что ты этим хочешь сказать?

– Алнонд плывет за нами с самого начала. Неужели вы думаете, что нам позволят путешествовать без присмотра? – заявила Метта.

– Надеюсь, это все? – любопытно спросил Рене. – Больше твоих родственников не предвидится?

Рене с Доменгом придвинулись к дедушке Итою и стали с опаской всматриваться в убегающую за кормой воду. На секунду им показалось, что вдалеке мелькнул устрашающий гребень и тут же пропал в синей глубине.

– Ты что-нибудь видел? – спросил Рене.

– Да, видел. А ты?

– Я тоже. Значит, мы оба видели.

– Знаешь, мне как-то не по себе, – сказал Доменг, – все-таки взрослый дракон – это совсем не Метта.

– И не Ургонд, – добавил Рене и посмотрел вверх.

Они притихли, в то время как дедушка Итой счастливо улыбался и распевал воинственную песню своих далеких предков.

К вечеру все устали и решили причалить к одному из маленьких островов, чтобы заночевать на нем. Метта беспокоилась за Ургонда.

– Наверное, ему жарко, – озабоченно говорила она, – он капризничает и ничего не ест.

Доменг, сменивший деда у руля, направил лодку к острову, и вскоре они приблизились к грубо сколоченному причалу. У мостков было привязано несколько лодок и два-три катера.

– Думаю, лучше нам здесь ни с кем не встречаться, – сказал Доменг. – Поищем уединенное место.

Они медленно поплыли вдоль берега. Лодок больше нигде не было, так что, обогнув скалистый мыс, они направили свое суденышко в небольшую лагуну, за которой высился лесистый берег.

– Бросай якорь! – скомандовал Итой.

– Где ты этого набрался, дед? – изумился Доменг.

– По телевизору, – ответствовал тот, – а что, разве что-то не так?

– Откуда мне знать, никогда не плавал на больших судах.

– Ну и что, – пожал плечами дед, – и я не плавал. – Вздернув острый подбородок, добавил: – Главное, что у меня душа морского волка.

Путники вышли на сушу и расположились здесь же, на траве, под деревьями.

– Пойду наберу хворосту, – сказал дедушка Итой, – надо развести костер.

– Зачем? Ночи ведь теплые, – удивилась Метта.

– Не люблю сидеть в темноте, а то может рыбки удастся наловить и испечь. Удочка у меня всегда с собой.

Итой скрылся в лесу. Доменг последовал за ним, прихватив свой нож-мачете. Метта и Рене снова сделали попытку накормить Ургонда, но тот отворачивался от всего, что ему предлагали. Вернулся Итой с огромной охапкой сухих веток и принялся складывать костер. Ургонд стоял рядом, внимательно за ним наблюдая, потом сам стал брать зубами веточки и подавать деду.

– Ишь ты, малец, – растрогался дед. – Вот так бы с самого начала, а то огнем в дедушку плевать! А ведь верно, – вдруг вспомнил старик, – вот ты и запаливай, так быстрее будет.

– Смотри-ка, – удивился Рене, – я-то думал, что он все начисто позабыл.

В это время Ургонд дунул что было сил, и сложенные пирамидой ветки запылали все разом.

– Тьфу ты, прости, Господи, – перекрестился Итой, – ни дать ни взять – нечистая сила. Ургонд смотрел снизу доверчивыми, невинными глазами.

– Ладно, постреленок, смотри, что я тебе из лесу принес, – смягчился дед и вынул из заплечной сумки большой, круглый, похожий на ежа зеленый плод. Резкий запах распространился по берегу.

– Рене зажал нос и закричал:

Итой, где ты его нашел?!

– Это дуриан, – довольный произведенным эффектом, объявил дед и направился к Рене и Метте, неся плод на вытянутых руках и отворачиваясь, – вы только попробуйте, вкусно-тища!

Ургонд бежал рядом, не сводя глаз с пахучей диковинки. Из зарослей вышел Доменг и бросил на землю несколько кокосовых орехов. Ловко орудуя мачете, он заострил верхушки кокосов, срезал концы, вставил в отверстия тростниковые трубочки и подал своим спутникам. Ургонд не отходил от дуриана, крутился вокруг и пытался укусить.

Наконец вожаемый плод был разрублен, и его нежная, как крем, мякоть была съедена в мгновение ока. Большая часть досталась Ургонду, остальное поделили Метта, Доменг и Итой. Рене заявил, что его не заставят есть эту гадость даже под страхом смерти.

– Раз дуриан нравится нашему малышу, надо поискать еще, – решила Метта.

Доменг тотчас схватил корзину и отправился в лес за плодами. Дедушка Итой взял удочку и уселся на огромном валуне, торчащем из воды на мелководье. На западе тлел закат. Небо светилось густым медно-золотистым сиянием. Из потемневших зарослей струились

вечерние лесные ароматы. Сверчки уже настраивали свои скрипки под звук прибоя. Море неумоимо катило к острову волну за волной. Они разбивались о песчаную косу, рассыпаясь алмазными брызгами, а ближе, в лагуне, было тихо и спокойно, в прозрачной воде ходила крупная рыба; дедушка Итой видел ее и ругал шепотом на чем свет стоит за то, что она не брала приманку. Ургонд сидел рядом на камне и завороченно следил за поплавком.

– Смотри, Рене, – сказала Метта, – как трогательно они смотрятся вместе – уже подружились.

– Это неудивительно, – откликнулся Рене, – стариков и детей всегда тянет друг к другу. Сколько сейчас Ургонду?

– Год и два месяца. Он даже младше, чем ваш годовалый ребенок.

– А сколько вы живете?

– Самые старые доживают до трехсот лет. Моему Алнонду уже двести три года.

– А правда ли, что вы можете определить, что скрыто под землей?

– Откуда ты знаешь об этом? – несказанно удивилась Метта.

– У китайцев есть такой миф: крылатый дракон помогает юноше Юю, основателю династии Ся, найти воду. Дракон тащит хвост по земле и показывает, где надо прорыть каналы. А еще считалось, что драконы знают, где спрятаны клады и сокровища.

– Ах, люди только о кладах и думают, – дернула плечиком Метта. – Конечно, мы можем показать, где проходит золотая жила или где в породе сокрыты алмазы. Легче всего найти воду.

Рене оживился и вытащил блокнот:

– Ну, ну, как вы это делаете, что чувствуете? Как отличаете золото от меди, например?

– Все имеет свой цвет и свой голос, – сказала Метта и замолчала.

Рене решил сменить тему:

– А где ты живешь, Метта? Откуда вы приплыли с отцом?

– Я не знаю, как вы называете страны и моря. Мы плыли с севера через пролив, потом вдоль островов.

– Подожди, – сказал Рене, разворачивая карту, – вот, лучше покажи.

Метта посмотрела и приложила длинный золотистый ноготь:

– Вот, здесь мы живем.

– Да это же Россия! – воскликнул Рене. – Я думал – вы из Китая. Хотя в России тоже был свой Змей Горыныч – трехглавый дракон.

– Какой еще трехглавый? – вскинулась Метта. – Разве у меня три головы?

– Бывало девять, а то и двенадцать, – подтрунивал Рене.

Метта вскочила, сжав кулачки:

– Двенадцать? Да у кого вы видели двенадцать голов?!

– Не горячись, Метта. – Рене решил, что уже довольно шуток – как бы снова не расстроилась. – Все это сказки, легенды, былины. Пойми, чем больше голов, тем доблестнее подвиг витязя. Одну голову любой может срубить.

– Пусть только попробуют, – с притворной угрозой сказала Метта и рассмеялась:

– Хотела бы я посмотреть на того, кто сунется к Алнонду.

Из лесной чащи неслышно вышел Доменг. Дедушка Итой на камне довольно крикнул, вытащив большую серебристую рыбу. Доменг присел рядом с костром, с интересом вслушиваясь в разговор.

– Хорошо, что ты не видела, какие фильмы снимают в Голливуде, – продолжал Рене и пояснил: – Это большая киноиндустрия в Америке. Драконы захватили планету и уничтожили почти всех людей и города.

Увидев в глазах Метты растерянность и почти страдание, он поспешил закончить:

– Впрочем, досталось не только драконам. Людей постоянно преследуют гигантские крокодилы, огромные пауки, кровожадные летучие мыши и даже муравьи.

– Что же это получается? – возмутилась Метта. – Люди истребляют животных, а себя же выставляют жертвой. Нельзя запугивать природой. Лучше бы вы внушали вашим детям, что беречь природу так же важно для здоровья, как мыть руки перед едой, тогда, возможно, у нас, драконов, работы сейчас было бы намного меньше.

Окрыленный тем, что Метта охотно поддерживает разговор, Рене решил выведать еще некоторые интересующие его сведения:

– Откуда берется ваше пламя, Метта, как вы его создаете?

– Ты же знаешь, мы обладаем мощной энергией. Это лишь одно из ее проявлений. Если хотите, я могу показать вам еще кое-что. Только держитесь подальше – это может быть опасно.

Молодые люди отошли на приличное расстояние и смотрели на Метту во все глаза.

Она встала и не двигалась, издали лукаво улыбаясь своим зрителям. Сначала ничего не происходило, потом вокруг ее тела засветилось призрачное голубоватое облачко.

Слышно было слабое потрескивание, затем один за другим в нем стали вспыхивать короткие разряды. Постепенно вспышки участились. Теперь казалось, что она стоит в обрамлении рассыпающихся звездами бенгальских огней, потом из голубеющего искрящегося ореола вырвались кривые молнии. Метты почти уже не было видно внутри этой грозовой тучи, лишь смутно угадывались очертания ее стройной фигуры. В разлившейся вечерней мгле она казалась ошеломленным мужчинам нереальной грезой из далекого будущего. Когда представление было окончено и зрители перевели дух, прагматичный Рене стряхнул с себя наваждение и авторитетно заявил:

– Ничего удивительного. Многие морские организмы обладают электрическими зарядами. Взять хотя бы ската.

– Тебя ничем не проймешь, – сказал восторженный Доменг. – Это волшебно и таинственно, и мы это видели!

Разговор прервал торжествующий дедушка Итой, предъявив восхищенной молодежи целую связку трепещущей рыбы. Все засуетились вокруг костра, усиленно превознося удачливого рыболова; тот даже покраснел от гордости и, подбоченясь, давал с важным видом кулинарные указания. Рыбу вычистили и испекли на горячих углях. Потом разложили остальную провизию на чистых салфетках и устроили настоящий пир; ели с огромным аппетитом, даже малыш Ургонд, принимавший самое деятельное участие в рыбной ловле, отважился съесть покрытый медной корочкой кусок рыбы.

Ночь незаметно окутала остров. Круглолицая луна неторопливо свершала свой путь сквозь изумрудные скопища светил Вселенной. Доменг и Метта, взявшись за руки, медленно шли вдоль берега под нависающими кронами деревьев, обратив к звездам светлые лица, и кружевная тень сонной листвы тихо скользила по их волосам. Доменг наивно решил воспользоваться темнотой как прикрытием и высказать Метте то, что мучило его последнее время.

– Что будет, когда все кончится? – вымолвил он, смущаясь и краснея. – Ты перевернула всю мою жизнь. Без тебя мне все покажется пустым и бессмысленным.

«Они оба стали мне дороги, как родные братья, – глядя на него украдкой, думала Метта, которая видела ночью, как днем, – но такого я совсем не хотела. Разве он забыл, кто я? Как видно, любовь не принимает доводов рассудка».

Вслух она сказала:

– Твоя жизнь всегда будет полна смысла. Пока есть такие, как ты и Рене, не все еще потеряно. Я рада, что узнала вас. А обо мне не печалься – я не могу стать человеком. У тебя будет подруга, такая же славная, как твоя сестренка Маринг.

Рене и Ургонд, пустившись наперегонки, нарушили их уединение, и скоро все четверо носились по темному берегу, оглашая молчаливый остров веселыми возгласами.

Глава 11

Ночью Метта внезапно проснулась, как от толчка. Казалось, кругом царил ничем не нарушаемый покой. Все ее спутники спали. Костер едва теплился, догорая. Лес жил своей обычной потаенной жизнью – кричали ночные птицы, шуршали жуки в упругой траве, медленные лори охотились в высоких ветвях, но Метта чувствовала незримую надвигающуюся угрозу. Ее приметы были ничтожны – случайный диссонанс, одна короткая фальшивая нота в стройной гармонии лесных звуков.

– Доменг, Рене, проснитесь, – тихо позвала Метта, трогая их за плечи. Оба сразу открыли глаза и сели, настороженно озираясь и прислушиваясь. Доменг сжимал мачете, Рене вытаскил из рюкзака охотничий нож.

Внезапно непроницаемая стена стволов и ветвей разверзлась, и на прибрежную поляну высыпало с десятков вооруженных до зубов людей, в восточных одеждах и чалмах. Они окружили путешественников, наставив на них тусклые дула ружей и автоматов. Метта рванулась к Ургонду и крепко прижала его к себе.

– Не двигайся, Метта, – предостерег Доменг, – положи нож, Рене, – он подал пример, отбросив в сторону мачете.

Они медленно встали, подняв руки и заслоняя собой Метту. Разбуженный шумом, дедушка Итой хлопал спросонья глазами, недоуменно разглядывая стоящие по кругу сумрачные фигуры. Потом суетливо поднялся и, обходя всех по очереди, заглядывал каждому в глаза, приветливо улыбался и говорил:

– Прошу к нашему костру. Не угодно ли отведать свежей рыбки? А мы вот тут решили сделать привал, не знали, что это ваш остров. Но мы сейчас уйдем, немедленно уйдем. Прощения просим.

Выглядел он нелепо и комично, но никто не улыбнулся, ни один мускул не дрогнул на бесстрастных лицах, лишь глаза мрачно поблескивали из-под черных тюрбанов.

Рене оттащил старика к костру и обратился к одному из молчаливых воинов:

– Мы – путешественники. Я натуралист из Франции, член Национального географического общества. Вот мои документы. Мы транспортируем редкое животное на Борнео, в места его обитания. Если мы нарушили чьи-то права или вторглись на частную территорию, то готовы заплатить, после чего, надеюсь, вы нас отпустите.

Рене умолк. Нависла напряженная тишина. Затем один из незнакомцев вышел вперед, оглядел группу у костра и коротко приказал:

– Следуйте за нами.

– Пошли, – негромко сказала Метта, – не будем испытывать судьбу.

Они послушно собрали вещи и в окружении безмолвного конвоя вступили под своды плотного полога леса.

Шли они минут двадцать по неприметным тропам, среди сплетения лиан и высоких кустарников, огромных древовидных папоротников и стройного бамбука, сквозь царственный делоникс и остролистный панданус, благоухающие в лунном свете. Неожиданно джунгли расступились, и отряд оказался на безлесом всхолмье, где поодаль друг от друга стояло несколько бамбуковых хижин, крытых соломой. Между ними разгуливали вооруженные люди. Без всяких объяснений арестованных затолкали в одну из хижин, связав им предварительно руки за спиной, заперли дверь и удалились, оставив охранника у входа.

Ургонд был привязан в углу веревкой за шею.

– Где же твой Алнонд? – недовольно спросил Рене. – Все время плыл за нами, а когда нужно, его нет.

– По ночам он общается с Великой Матерью и в это время ничего не слышит, – вступилась за отца Метта. – Кроме того, что ты предлагаешь, чтобы он пришел и спалил весь остров, вместе с нами в придачу? Я смогу связаться с ним через несколько часов, и поверь – его мудрый совет будет намного полезнее, чем применение силы.

Дверь отворилась, и вошел один из тюремщиков.

– Ты и ты, – сказал он, указывая на Метту и Рене, – идите за мной.

– Присмотри за Ургондом, – шепнула Метта Доменгу. – Не бойся, пока нас убивать не собираются. У них что-то другое на уме.

Они спустились с холма, потом снова поднялись по отлогому склону следующей возвышенности. Наконец их подвели к добротному дому, стоящему среди больших пальм. По дороге Метта обнадежила Рене:

– Если дело примет плохой оборот, я смогу за нас постоять. Пока же сохраняй спокойствие и ни с кем не спорь. Посмотрим, чего они от нас хотят.

Хмурый проводник сказал что-то стражу у двери, и пленных пропустили вовнутрь.

Они вошли в неожиданно богато убранную комнату, устланную коврами. Напротив, на низкой софе, среди расшитых золотом и серебром подушек, полулежал человек, одетый во все белое. Лицо его было закрыто покрывалом так, что были видны одни глаза, на руках он носил тонкие матерчатые перчатки, тоже белые. Человек курил кальян, опустив бледные веки. Он не повернул головы, когда ввели Метту и Рене. Они стояли и ждали окончания затянувшейся паузы. Наконец хозяин дома поднял голову и остановил на них мутный и холодный взгляд. Он кивнул охраннику, и пленникам развязали руки.

– Я вижу, вы европейцы, – заговорил он хриплым, переходящим в свист голосом, глядя на светловолосого Рене.

– Да, я француз, – ответил тот, – а это моя жена, и прошу отнестись к ней с уважением.

– Вот как, – вдруг заговорил по-французски его собеседник. – Как вас зовут, мадам? Где вы живете? Сколько вам лет? – забросал он Метту вопросами.

Она растерялась и беспомощно посмотрела на Рене. Вопросы она, конечно, поняла, но как ответить не знала. Скрипучий смех, сменившийся приступом кашля, прорезал наступившую тишину.

– Не пытайтесь меня обмануть, мсье, – снова перешел на английский человек в белом. – Прежде чем мы продолжим нашу беседу, хочу представиться. Здесь и повсюду меня называют Белым Шейхом. Вам это имя вряд ли что-нибудь скажет, но поверьте, очень многих оно приводит в трепет. А вас как прикажете величать? – насмешливо осведомился он.

– Меня зовут Рене Мартен, – ответил последний, все еще пытаясь спасти положение, – а это Метта. Она не француженка. Мы поженились совсем недавно, поэтому она еще не знает языка.

– Я вижу, что она слишком молода. Думаю, вы мне лжете, мсье Мартен, – не купился человек, назвавшийся Белым Шейхом. – Подойди ко мне, девочка, сядь рядом.

Метта исполнила его просьбу, или скорее – приказ, и присела на край софы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.